

УДК 94(571.53)(092)

О количестве захороненных на иркутском Иерусалимском кладбище (опыт математического анализа)

А. Н. Гаращенко

Музей истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова, Иркутск

Аннотация. Статья посвящена выяснению путем математического анализа примерного количества захороненных на иркутском Иерусалимском кладбище.

Ключевые слова: Иркутск, Иерусалимское кладбище, захоронения, некрополь.

Чтобы определить, сколько же жителей города было захоронено на территории Иерусалимского некрополя за время его существования, необходимо выяснить общее количество населения Иркутска в этот же период. Поскольку, помимо общегородского, существовал еще ряд кладбищ в предместьях, оттягивавших на себя какое-то количество умерших, важно учесть не только это, но и с какого времени они стали действовать и для кого были рассчитаны.

За точку отсчета принимаем следующий год после создания погоста – 1773. Можно предположить, что в первые годы указ о необходимости хоронить скончавшихся на отведенных местах за городом строго не соблюдался, как это традиционно существовало в России в отношении законов. Какое-то время еще погребения совершали при церквях и просто в отдаленных от жилья местах. Но тем не менее здесь потихоньку начали захоранивать, и определенное количество граждан в промежуток между 1772 и 1793 гг. нашли тут свой покой. Повторное распоряжение, последовавшее в 1793 г., окончательно утвердило формирование кладбища, его территория была четко определена, огорожена, и на ней была возведена церковь.

Промежуток в двадцать лет между распоряжениями администрации можно рассматривать как переходный период в деле упорядочения местоположения захоронений горожан.

В дальнейших рассуждениях и расчетах мы будем ссылаться на составленную нами таблицу (табл.) общего количества жителей Иркутска и умерших. Отметим сложности, с которыми пришлось столкнуться при использовании статистических данных, полученных из многочисленных источников:

– сведения о численности населения в разных публикациях за одни и те же годы отмечаются – например, за 1825, 1857, 1858, 1875 и другие годы (мы в своих вычислениях использовали наименьшие показатели). Это было связано с тем, что применялись разные системы подсчета. Например, в

1820–1830-х гг. за основу брались городские обывательские книги, где указывались только жители, имевшие дома, в число проживавших не попадали прислуга или квартирующие. Во второй половине XIX и начале XX в. разнились сведения Иркутского городского полицейского управления и Губернского статистического комитета (одни основывались на данных о постоянно проживаемых в городе, другие на материалах однодневной переписи). Например, по полицейским сведениям за 1862 г., в Иркутске было 24 242 человека, по зимней переписи 15 декабря 1863 г. – 28 009, а по летней переписи 1864 г. – 25 178 [17];

– почти нет информации о том, включались ли в число жителей располагавшиеся на территории города воинские части;

– цифра могла увеличиваться, если подсчет производился в конце года, – из-за прибывших в город людей на зимнюю ярмарку;

– порой информация за один год переписывалась без изменения в другой год;

– допускались ошибки и при простом суммировании числа душ мужского и женского пола. Так, в одном из газетных комментариев читаем: «По сведениям Губернского правления в 1825 г. в Иркутске считалось мужского 9 254, женского 5 952, а всего 16 206 человек» [20], но верным будет – 15 206.

В некоторых случаях возможно было провести перекрестную проверку источников и использовать данные более надежных из них. По нашему мнению, наименее точными могут быть сведения из летописей, так как при их составлении авторы, возможно, допускали ошибки технического характера. Но отказаться от летописных материалов невозможно: порой только в них удается найти нужную информацию.

Говоря о «точности» статистических данных, например первой половины XIX в., нелишним будет вспомнить, о чем писал Н. Щукин в 1857 г.: «...трудно составить верную перепись в таком просторном государстве, как Россия; а потому обвинять статистические комитеты в лености, небрежности и незнании дела едва ли справедливо в полной мере. Многое зависит от взгляда губернатора, утверждающего представляемые ему таблицы народонаселения: иной принимает в счет жителей имеющих оседлость, другой всех живущих в городе. Мудрено ли, что сведения об одном и том же городе значительно разнятся между собою. Как бы то ни было, только в Иркутске издавна существует общее мнение, что всех жителей с казаками и солдатами считается 16 000 душ обоего пола. Сведение это основано чуть ли не на ображениях бывшего губернского землемера Лосева. Он один, сколько известно, занимался собранием статистических сведений об Иркутской губернии с того времени, как Министерство внутренних дел стало требовать от губернаторов статистические таблицы... Формы статистических таблиц, присланные из МВД, разосланы были по волостным правлениям, и писарь, душа волостного правления, наполнял их цифрами, какие ему казались близкими к истине» [20].

Таблица

Общее количество населения и умерших Иркутска за 1772–1930 гг.¹

Год	Общее количество жителей	Мужчин	Женщин	Общее количество умерших по городу (захороненные на Иерусалимском кладбище оговорены особо)
1772				
1773				

¹ Примечания: Таблица составлена по следующим источникам: ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 948. Л. 37 (документ не датирован, находится в деле между документами 1822 г.); Там же. Оп. 2. Д. 510; Там же. Оп. 3. Д. 1346. Л. 2 об., 4; Там же. Д. 1976; Там же. Д. 2275; Там же. Ф. р-2768. Оп. 1. Д. 7. Л. 260; Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. Очерк, отредактированный и изданный иркутским городским головой В. П. Сукачевым. М., 1891. С. 5; Древняя и Новая Россия. 1875. № 2. С. 209; Историческое обозрение Сибири. М., 1838. Кн. 1. С. 587; Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Крогова). С предисловием, добавлениями и примечанием И. И. Серебренникова // Труды Восточно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества. № 5. Иркутск, 1911. С. 105; Иркутская летопись 1857–1880 г. (Продолжение «Летописи» П.И. Пежемского и В.А. Крогова) / сост. Н.С. Романов; под ред. И. И. Серебренникова // Труды Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск, 1914. № 8. С. 44; Древняя российская виблиофика. 1791. Ч. 18. С. 296; Описание Иркутского наместничества 1792 года. Новосибирск, 1988. С. 70; Ярославские епархиальные ведомости. 1861. 29 окт. Неф. ч. С. 443; Сиб. архив. 1912. № 4. С. 254; *Мартос А.* Письма о Восточной Сибири. М., 1827. С. 148; Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год / Составленное из официальных сведений под руководством директора Департамента полиции исполнительной, тайного советника Штера. СПб.: Печатано в тип. Ивана Глазунова, СПб., 1829. С. 28; Календарь-справочник по Восточной Сибири на 1911 г. Б/м, б/г. С. 282; Статистическое обозрение Сибири, составленное по Высочайшему Его императорского величества повелению, при Сибирском комитете действительным статским советником Гагемейстером. СПб., 1854. Т. 2. С. 177; Иркутские губернские ведомости. 1858. 6 марта. С. 3, 6; Там же. 1858. 24 апр. Неф. ч. С. 1; Там же. 1857. 17 окт. Неф. ч. С. 1; Там же. 1857. 16 мая. Неф. ч. С. 8; Там же. 1862. 10 ноября. Неф. ч. С. 2; Там же. 1868. 26 окт. Неф. ч. С. 7; Там же. 1870. 28 марта. Неф. ч. С. 5; Там же. 1871. 23 янв. Неф. ч. С. 6; Там же. 1872. 20 июня. Неф. ч. С. 4; Там же. 1872. 22 авг. Неф. ч. С. 3; Там же. 1876. 4 мая. Неф. ч. С. 5; Там же. 1878. 14 ноября. Неф. ч. С. 5; Там же. 1876. 14 июня. Неф. ч. С. 6; Там же. 1872. 11 июля. Неф. ч. С. 4; Там же. 1881. 20 мая. Прил. С. 10; Памятная книжка Иркутской губернии на 1873 г.: адрес-календарь. Иркутск, 1873. С. II, XIV; Памятная книжка Иркутской губернии 1881 г. Иркутск, 1881. Отд. II. С. 29, 43, 44; Памятная книжка Иркутской губернии на 1887 г. Иркутск, 1887. Отд. 3. Табл. С. 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19; Городские поселения в Российской империи. СПб., 1861. С. 269; Памятная книжка Иркутской губернии на 1863 г. Иркутск, 1863. С. 104, 113; Памятная книжка Иркутской губернии на 1901 г. Иркутск, 1901. Ч. 1. С. 58, 59, 60; Статистический временник Российской империи. СПб., 1866. С. XII; Иркутск и Иркутская губерния. Приложение к «Сибирскому вестнику». Б/м, б/г. С. 7, 8; Волости и населенные места 1893 года. Вып. 4. Иркутская губерния. СПб., 1894. С. 22, 26; Изв. Иркут. городской думы. 1887. № 5–6. Л. б/н.; Там же. 1888. Т. 2. С. 45–46; Там же. 1905. Т. II. С. 216; Города России в 1904 г. СПб., 1906. С. 0369; Весь Иркутск. Иркутск, 1992. С. 241; Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. СПб., 1875. Т. 1. Ч. 1. С. IV. Пространство и население Восточной Сибири. С. 42; Сибирь. 1879. 14 окт. С. 3; Памятная книжка Иркутской губернии. Издание Иркутского Губернского Статистического комитета. Иркутск: Губерн. тип., 1911. С. 109; Спутник по городу Иркутску и Иркутской губернии. Иркутск, 1926. С. 10; Весь Иркутск. Адресно-справочная телефонная книга на 1924 г. Иркутск, 1924. Отд. I. С. 9; Власть Труда. 1925. 19 сент.; Там же. 1927. 29 янв.; Адрес-календарь личного состава служащих в правительственных, общественных и частных учреждениях города Иркутска на 1897–1898 год. Иркутск, 1897. С. 14, 16.

1774				
1775 (в январе)	До 8 000, (по другим данным – 9 000)	4 175 («кроме духовных и чиновников»), не считая войск		
1791 (?) (данные относятся явно к периоду до 1791 г., но указаны в источнике за 1791 г.)	9 522	4 772	5 750 (скорее всего, ошибка, если судить по указанной в источнике сумме, должно быть 4 750)	
1792	8 877 (исключая священно- и церковнослужителей)	4 587	4 290	
1798	ок. 11 000	6 255		
1800		4 347 (вероятно, указано только число душ мужского пола)		
1807	Примерно 6 000			
1811	21 775 (число указано А. Лосевым – весьма сомнительно)	12 100	9 675	
1822 (возможно, ранее, вплоть до 1819 г.)		3 001 (без церковнослужителей и военных)		
1823	14 297			
1824	15 744 (15 646 – эта цифра указывается А. Мартосом, но при сложении количества душ мужского и женского пола получается цифра, приведенная перед скобками)	8 821	6 923	
1825	14 411 (по другим данным – 14 547 и 15 206; в источнике ошибочно указывается 16 206)	7 906	6 505	
1829	17 768	9 254	5 952	
1831	16 795			
1832	17 000			
1833	13 522 (?) (возможно, данные по 8-й ревизии этого года)			
1834	14 175			
1835	16 502	9 877	6 625	
1836	19 569 (по другим данным – 13 522, но, скорее, эта цифра относится к более раннему периоду, так как попала в книгу за 1836 г. Возможно, к 1833 г.)	10 800	8 769	
1837	16 773 (?)			
1838				1 116
1839				993
1840				1 289
1841				1 247

О КОЛИЧЕСТВЕ ЗАХОРОНЕННЫХ НА ИЕРУСАЛИМСКОМ КЛАДБИЩЕ 81

1842				1 251
1843				1 223
1844				873
1845				962
1846	16 358			1 398 (по другим данным – 979)
1847				931
1848				1 116
1849				1 029
1850				1 169
1851	16 795			963
1852	14 454 (из донесения губернатора, но, скорее, данные относятся к 1840-м гг.)			935
1853				1 272
1854				975
1855	23 856			986
1856				899
1857	Более 18 000 (по другим данным – до 20 000 и даже 23 989)			973
1858	18 808 (по другим данным – 18 908)	10 171	8 737	
1859 (декабрь)	23 000			
1860	19 869			
1861	24 779	12 639	12 140	1 134
1862 июль–октябрь	22 563	12 594	9 969	
На конец 1862	23 504	13 367	10 137	
По полицейской переписи	24 242	13 367	10 875	
1863 (по переписи 16–19 декабря)	28 009	15 159	12 850	1 529
1864 (по переписи 7 августа)	25 178 (по другим данным – 26 594)	13 047	12 131	
1865				
1866				
1867	27 431	15 031	12 400	
1868	28 542	16 281	12 261	
1869	28 425	15 958	12 467	
1870	32 789	19 860	12 929	1 672
1871	32 245	19 657 (в том числе регулярных войск 3 275)	12 588	1 728
1872	32 245	19 657	12 588	1 497
1873	31 872			1 575
1874				1 616
1875 (по переписи 8 марта)	32 514 (по другим данным – 32 600)	18 076	14 436	1 416
1876 (на конец года)	34 235	19 098	15 137	

1877				1 701 (данные только по православным и евреям. Сведения по католикам, лютеранам, раскольникам отсутствуют)
1878	32 514			1 562 (данные только по православным и евреям. Сведения по католикам, лютеранам, раскольникам отсутствуют)
1879 по однодневной переписи 22 октября	33 800 (с войсками и тюрьмой; по другим данным – 32 600)	18 278	15 522	
		17 981	14 619	
1880	33 800	18 278	15 522	1 882
1881	33 800 (по другим данным – 33 870)	18 278	15 222	1 354
1882	33 800	18 278	15 222	1 741
1883 и на начало 1884 г.	36 117	19 488	16 629	1 527
1884	36 117	19 488	16 629	1 746
1885	39 226	22 645	16 581	1 920
1886	43 963			1 663
1887	44 190	24 944	19 246	1 874
1888	47 407	26 755	20 652	1 652
1889	47 403	26 552	20 851	1 733
1890	47 203			
1892	50 567			
1893	46000			
1895	50 270			1 635
1896	47 358			
1897	51 434 (по другим данным – 51 473)	26 517	24 917	1 948
1898				2 077
1899				1 954
1900 (на 1 января)	49 145	25 144	24 001	
1901 (на 1 января)	58 678	31 876	26 872	За декабрь умерло и похоронено на Иерусалимском кладбище 102. Других данных нет
1902 (на 1 января)	61 152	33 291	27 861	1 262 (захоронены непосредственно на Иерусалимском кладбище)
1903 (на 1 января).	69 681	37 350	32 331	1 897 (захоронены непосредственно на Иерусалимском кладбище)
На 1 октября	75 950	34 308	31 931 и 9 711 детей обоего пола	
1904 (на 1 января)	75 697 74 748	40 855 40 941	34 842 33 807	2 539 (из них 1 437 захоронены непосредственно на Иерусалимском кладбище)

О КОЛИЧЕСТВЕ ЗАХОРОНЕННЫХ НА ИЕРУСАЛИМСКОМ КЛАДБИЩЕ 83

1905 (на 1 января)	74 969	40 623	34 346	1 624 (захоронены непосредственно на Иерусалимском кладбище)
1906 (на 1 января)	79 025	42 818	36 207	1 830 (захоронены непосредственно на Иерусалимском кладбище)
1907 (на 1 января)	84 236	46 458	37 783	1 564 (захоронены непосредственно на Иерусалимском кладбище)
1908 (на 1 января)	91 117	50 046	41 071	1 903 (захоронены непосредственно на Иерусалимском кладбище)
1909	96 000 108 060 на 1 января	62 843	45 217	1 200 (захоронены непосредственно на Иерусалимском кладбище)
1910, (к 1 января)	113 288	66 655	46 633	1 480 (захоронены непосредственно на Иерусалимском кладбище за январь-сентябрь). За октябрь-декабрь данных нет.
1912	131 920	74 038	58 882	
1913				1 552 (непосредственно на Иерусалимском кладбище)
1914	от 120 000 до 128 338 (по другим данным – даже 134 304)			1 711 (непосредственно на Иерусалимском кладбище) (по другим сведениям – 1 712)
1915, на 1 января	134 304			2 152 (непосредственно на Иерусалимском кладбище)
1916, на 1 января	106 346			2 100 (непосредственно на Иерусалимском кладбище)
1917	90 413	40 721	49 692	3 367
1918				2 508
1919	90 800			2 697
1920 (на апрель) в августе	123 747 95 677	69 825 44 348	62 922 51 329	960
1922				3796
1923 (на 15 марта)	88358	42552	45 806	1928
1924				
1925	91 000			
1926, декабрь	98 440			1 087 (захоронены непосредственно на Иерусалимском кладбище)

1927				1 039 (захоронены непосредственно на Иерусалимском кладбище)
1928				1 089 (захоронены непосредственно на Иерусалимском кладбище)
1929				787 (захоронены непосредственно на Иерусалимском кладбище)
1930				1 (захоронен непосредственно на Иерусалимском кладбище)

Из таблицы видно, что если численность городского населения в рассматриваемый период можно проследить с 1775 г., то сведения о количестве умерших имеются только с 1838 г.

Теперь о городских окраинах и находившихся там кладбищах.

Согласно документу от 1823 г., относящемуся к правлению губернатора И. Б. Цейдлера, в котором он определял границы полицейских частей, деревня Глазково не входила в городскую черту. Соответственно, городом считались только правобережная часть Ангары и территория за рекой Ушаковкой [2]. Глазково, как деревня, известно с 1780-х гг. Позже его назвали Заречной слободой [5; 7]. А к середине XIX в. это поселение стало городским предместьем, а его жители – горожанами.

Говоря о землях города за Ушаковкой, определимся по времени возникновения здесь кладбищ. Исследователь Н. Г. Торшина считает, что так называемое Знаменское кладбище образовалось к концу XVIII – началу XIX в. Она также отмечает стихийность его появления. Здесь хоронили жителей Знаменского предместья и Рабочей слободы, которая до второй половины XIX в. не имела собственного погоста [18, с. 145, 146]. По данным А. В. Дулова, на Знаменском погосте за всю историю его существования было предано земле 8–10 тыс. иркутян [4, с. 107]. По мнению Н. Г. Торшиной, «эта цифра может быть на порядок больше» [18, с. 147].

Документальных свидетельств о времени образования этого кладбища не выявлено. Учитывая, что заселяться эта территория стала еще с середины XVIII в., можно предположить, что захоронения в районе будущего погоста могли стихийно появиться и ранее конца XVIII в., а позднее «окультуриться» путем возведения вала, чего требовало законодательство. Полагаем, что предложенная датировка вполне приемлема. Что же касается числа погребенных, то говорить об определенных цифрах достаточно сложно, так как одновременно со Знаменским имелось Рабочедомское кладбище.

Своим возникновением оно обязано смирительному и рабочему домам, первый из которых был учрежден в 1787 г., а второй – в 1789 г. Умиравшие в этих заведениях хоронились на особом кладбище. По подсчетам А. В. Ду-

лова, за период существования этого погоста (до сер. 1930-х гг.) здесь было погребено до 7 тыс. человек [4, с. 108]. Эта цифра вполне достоверна: документально известно, что за период с 1815 по 1885 г. в приходе Борисоглебской церкви, в границах которой находилось кладбище и, соответственно, хоронились прихожане, умерло 5 235 человек [11]. Но, возможно, она может быть выше.

По выявленным историком Н. Г. Торшиной сведениям, на Иерусалимском кладбище некоторое время хоронили и жителей Глазковской деревни, несмотря на все сложности и неудобства переправы через Ангару. В цитируемом ею документе отмечается: «...не имея без храма особого кладбища, мы также во всякое время года должны тела усопших перевозить через р. Ангару для погребения их на общем городском кладбище, что сопряжено с большими, иногда с непреодолимыми трудностями...» [19, с. 123]. Речь в документе шла о строительстве собственной церкви, которая была освящена как Николо-Иннокентьевский храм в 1859 г. После постройки церкви жители получили возможность обрести и приходское кладбище. Как указывает Н. Г. Торшина, Глазковский приходской погост возник в середине 1860-х гг. По нашему мнению, процент захороненных на Иерусалимском кладбище жителей Глазкова незначителен. Вряд ли умерших перевозили в город всех поголовно. Скорее, кого-то хоронили где-нибудь за деревней или, как предположение, могли отвозить на кладбище селения Кузьмиха.

Теперь обратимся непосредственно к данным, представленным в таблице. Их можно разложить по следующим позициям.

1. Известны количество умерших за 50 лет (1838–1857, 1861, 1863, 1870–1875, 1877–1878, 1880–1889, 1895, 1897–1899, 1904, 1917–1920, 1922–1923) по городу – **77 896** человек и число захороненных на Иерусалимском кладбище – **26 904** жителя за следующие годы: 1901 (только за декабрь), 1902–1909, 1910 (за октябрь – декабрь данных нет), 1913–1916, 1926–1930 гг.

2. Имеются сведения о количестве населения города за 1775, 1791, 1792, 1807, 1811, 1823–1825, 1829, 1831, 1832–1837, 1858–1860, 1862, 1864, 1867–1869, 1876, 1879, 1890, 1892–1893, 1896, 1900, 1901, 1912, 1925 гг. – всего 35 лет. Данные же о числе усопших за указанный период времени отсутствуют.

Чтобы определить, сколько их было в эти годы, проведем следующие вычисления. Выведем процент умерших от общей численности населения Иркутска в те годы, когда известны и количество жителей, и число скончавшихся. Таких случаев 31 (1846, 1851, 1852, 1855, 1857, 1861, 1863, 1870–1873, 1875, 1878, 1880–1889, 1895, 1897, 1904, 1917, 1919, 1920, 1923, 1926). Суммарное значение проживавших в городе за эти годы – 1 373 312 человек, умерло – 50 891, или 3,7 % (величина приблизительная).

Необходимо учитывать, что в связи с различными эпидемиями общая смертность увеличивалась. Достаточно велика была и детская смертность, особенно детей в возрасте от 1 года до 5 лет, что отмечается во многих источниках. Например, в «Иркутских губернских ведомостях» за 1857 г. были помещены извлечения из метрик о родившихся и умерших за десятилетие с

1838 по 1848 г. [10]. Приведенные там цифры «дают весьма невыгодное понятие об условиях тогдашней жизни. В продолжение первых 6 лет число умерших значительно перевешивает число родившихся, и только последние четыре года перевес на стороне последних, и то незначительный» [14]. В середине века в Иркутске из появившихся на свет младенцев не доживали до пятилетнего возраста более половины [9, с. 44]. В 1863 г. родилось в городе 1 332 человека, а умерло 1 529, в том числе 630 детей до 5 лет (41,2 %) [8]. В 1886 г. из общего числа скончавшихся (1 663 человека) 43,8 % – дети (729) [13]. В начале XX в., согласно документам о числе выкопанных могил, следует, что более четверти из них предназначались для почивших маленьких иркутян.

Ярким примером уровня детской смертности может служить запись в дневнике Ю. Сабиньского: «10 июля [1849], воскресенье. Сегодня я был на русском кладбище. Там предо мной предстал душеспипательный вид десяти маленьких, расположенных в ряд, могил десятерых детей купца Куликова. Все умирали младенцами, между первым и третьим годами жизни, как свидетельствуют надписи. Последний камень был положен в прошлом году, а на нем бедные родители написали такие слова: “Вскоре и мы с вами соединимся”» [15, с. 660–661]. Но высокой смертность была не только среди малышей, но и порой среди взрослых. Тот же автор в марте 1845 г. замечает: «Смерть что-то слишком разбушевалась в Иркутске. За последние три недели мы видели здесь множество похорон, а среди них немало из высшего класса, людей молодых или в самом расцвете сил и здоровья, у которых была возможность обеспечить себе любую медицинскую помощь» [15, с. 265]. По данным статистики, в 1849 и 1845 гг. умерло соответственно 1 029 (567 мужского пола и 462 женского пола) и 962 человека (519 мужского пола и 443 женского пола) [9, с. 44; 10].

Но вернемся к расчетам. Применим выведенный показатель для вычисления среднего числа умерших для годов с известным количеством населения (например, 1775 г. – $8\,000 \times 3,7 : 100 = 296$ чел.).

Получаем:

1775 г. – 296, 1791 г. – 352, 1792 г. – 328, 1807 г. – 222, 1811 г. – 805, 1823 г. – 529, 1824 г. – 582, 1825 г. – 533, 1829 г. – 657, 1831 г. – 621, 1832 г. – 629, 1833 г. – 500, 1834 г. – 524, 1835 г. – 610, 1836 г. – 724, 1837 г. – 620, 1858 г. – 695, 1859 г. – 851, 1860 г. – 735, 1862 г. – 834, 1864 г. – 931, 1867 г. – 1 015, 1868 г. – 1 056, 1869 г. – 1 051, 1876 г. – 1 266, 1879 г. – 1 250, 1890 г. – 1 746, 1892 г. – 1 871, 1893 г. – 1 702, 1896 г. – 1 757, 1900 г. – 1 818, 1901 г. – 2 171, 1912 г. – 4 881, 1925 г. – 3 367.

Примерное количество захороненных в городе за эти 35 лет – **37 936** человек.

Расчеты с применением полученного коэффициента при сравнении их с известными данными за соседние годы показывают, что они близки. Например, известно, что в 1855, 1856, 1857, 1861 гг. умерло 986, 899, 973 и 1 134 человека соответственно; за 1858, 1959, 1860 и 1862 гг. мы не располагаем точными цифрами, но полученные нами с применением коэффициента ре-

зультаты – 695, 851, 735 и 834 человек – достаточно сходны с реальными показателями, резко не отличаются и даже чуть меньше их. Желаящие сравнить другие годы могут проделать это самостоятельно.

3. И, наконец, есть периоды, за которые мы не имеем сведений. Это 1773–1774, 1776–1790, 1793–1897, 1799, 1800, 1801–1806, 1808–1810, 1812–1821, 1826–1828, 1830, 1865–1866, 1874, 1891, 1894, 1911, 1921, 1924. Всего 55 лет.

Составив пропорцию ($35 - 37\ 936$ и $55 - x$) и проведя простые арифметические вычисления ($55 \times 37\ 936 : 35$), получаем, что за это время было захоронено примерно **59 614** человек.

Итак, теперь мы имеем данные по смертности в городе за период с 1773 по 1901, в 1911–1912, 1917–1925 гг.: **77 896 + 37 936 + 59 614 = 175 446** человек.

Вычислим примерное число жителей города, похороненных непосредственно на Иерусалимском кладбище.

Как мы указывали выше, известны точные данные о количестве погребенных на территории этого некрополя только за период в 18 лет – (1901 г. – сведения только за декабрь), 1902–1909, 1910 (за октябрь – декабрь данных нет), 1913–1916, 1926–1930 гг. Это **26 904** человека.

Учтем, что не все умершие захоранивались на общегородском погосте, определенное их количество упокоены на кладбищах предместий и совсем немногие – у церквей и в монастырях, а после 1902 г. – и на вновь открытом Амурском кладбище. Из полученной суммы **175 446** умерших нужно изъять число захороненных на Рабочем, Знаменском и Глазковском кладбищах, а также на новом Амурском.

Как уже отмечалось, на Знаменском, Рабочем и Глазковском, по подсчетам исследователей, было захоронено до 10 тыс. человек на каждом, правда, Н. Г. Торшина считает, что на Знаменском больше. Примем для этих кладбищ величину в 15 тыс. для каждого, учитывая, что со строительством железной дороги Глазковское предместье получило значительный наплыв населения. Пусть для Амурского эта величина будет составлять 20 тыс. Тем самым набирается около 65 тыс. Остается 110 446. Сюда нужно прибавить известное нам число непосредственно захороненных на кладбище – 26 904, и в результате получим **137 350** человек.

Итак, мы получили цифру, даже большую, чем указывали в своей публикации «Мир праху твоему, иркутянин» в 1996 г. – 100–120 тыс. [3].

Величина немалая, и на первый взгляд может показаться не соответствующей площади кладбища в 198 288 кв. м [1]. Но здесь нужно иметь в виду, что захоронения производились не в один слой. Это подтверждается и сообщениями из дореволюционной печати за 1908 г.: «Насколько переполнено Иерусалимское кладбище, видно из следующего факта. 20 мая нужно было вырыть могилку для шестимесячного ребенка С. Рабочим, копавшим эту могилку, пришлось обойти чуть не все кладбище прежде, чем найти подходящее место. Начинили копать в 30-ти местах и везде “натыкались” на гроба» [16]. Материалы археологических раскопок также красноречивы. Та-

кие исследования проводились осенью 2008 г. при прокладке водопровода к зданию Октябрьского районного суда (ул. Байкальская, 30). «В ходе работы, – как отмечают участники раскопок и авторы отчета А. Ю. Исаев и М. С. Кустов, – зафиксирована ярусность погребений. Погребение усопших ярусами свидетельствует о неоднократном использовании данного участка погоста под захоронения и беспорядочности захоронений на кладбище в конце XIX – начале XX в.» [12, с. 32]. Да и как могло быть иначе, если, например, в течение только ноября 1902 г. на кладбище было погребено 90 человек. Правда, авторы приходят к выводу, что на всей территории кладбища было захоронено 71,5 тыс. иркутян [12, с. 36].

На количество могил сильно влияло и то, что здесь было огромное число детских захоронений (о них говорилось выше), которым требовалась меньше места, чем взрослым.

Обратимся вновь к свидетельству Н. Щукина, который отмечал среди основных причин смертности горожан следующие: «Между взрослыми людьми свирепствуют нередко повальные нервические горячки, опустошающие иногда целые дома; горячки эти имеют разные степени: в иной год они смертельны, в другой нет... Самая губительная болезнь есть кровавый понос у детей; редкая весна пройдет без этой эпидемии. Эта болезнь чуть ли не главная виновница уменьшающегося народонаселения Иркутска. По утру стоит лишь подойти к окошку, и если дом ваш стоит на улице, ведущей на кладбище, первый предмет вам представится: отец, несущий младенца своего в гробе» [20].

Так было в первой половине и середине XIX в., но не лучше обстояли дела и в последующие годы.

Высокий уровень смертности был тесно связан с низким санитарным состоянием города. К примеру, санитарный врач М. Писарев в 1880-х гг., «указывая, что смертность в Иркутске колеблется от 50 до 37,8 ‰ pro mille (т. е. на тысячу)», в одном из своих отчетов говорил, что «Иркутск в возрастающем ряду городов занял бы по смертности весьма почетное место, уступивши его Мадрасу и Каиру». В отчете санитарной комиссии за 1889 г. тот же М. Писарев отмечал, «что все предпринимавшиеся меры к содержанию дворов и улиц и незагрязнению протекающих рек не дали желаемых результатов вследствие индифферентности к ним граждан города» [6]. Низким было и финансирование санитарных служб со стороны городской администрации.

Мы признаем, что рассчитанное нами число захороненных на Иерусалимском кладбище может несколько превышать реальные цифры, которые вряд ли вообще доподлинно будут определены. Наш подсчет приблизителен, вероятно, максимален и может быть скорректирован, например, до **125–130** тыс.

В заключение отметим, что полученные нами данные о количестве погребенных подчеркивают историческую значимость этого места в современной городской среде.

Список литературы

1. Архив ГУАиГ. Реестровый план 134 квартала центральной части Иркутска.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 70. Оп. 1. Д. 4098. Л. 7, 10–11.
3. *Гаращенко А.* Мир праху твоему, иркутянин / А. Гаращенко // Земля Иркутская. – 1996. – № 5. – С. 42.
4. *Дулов А. В.* Городские некрополи / А. В. Дулов / Памятники истории и культуры Иркутска. – Иркутск, 1993. – 448 с.
5. *Душкин Ю.* Глазково / Ю. Душкин // Вост.-Сиб. правда. – 1980. – 8 июня.
6. Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. Очерк, ред. и изд. иркут. город. головой В. П. Сукачевым. – М., 1891. – С. 145–146.
7. Иркутск : ист.-краеведч. слов. – Иркутск, 2011. – С. 123.
8. Иркутск и Иркутская губерния. Приложение к «Сибирскому вестнику». – Б/м, б/г. – С. 8.
9. Иркутская летопись 1857–1880 г. (Продолжение «Летописи» П. И. Пежемского и В. А. Кротова) / сост. Н. С. Романов ; под ред. И. И. Серебренникова // Труды Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. – Иркутск, 1914. – № 8. – 410 с.
10. Иркутские губернские ведомости. – 1857. – 17 окт. – Часть неоф. – С. 1.
11. Иркутские епархиальные ведомости. – 1886. – № 6. – С. 83.
12. *Исаев А. Ю.* Новые сведения о первом городском кладбище Иркутска (по материалам картографии и археологии) / А. Ю. Исаев, М. С. Кустов // Иркутский мемориал: исследования и реконструкция: матер. науч.-практ. конф. Иркутск, 6 дек. 2013 г. – Иркутск, 2014. – 228 с.
13. К отчету санитарной комиссии. Ведомость о родившихся, браком сочетавшихся и умерших, по приходам церковей Иркутска за 1886 г. // Изв. иркут. город. думы. – 1887. – № 5–6. – С. б/н.
14. *Ровинский П.* Очерки Восточной Сибири / П. Ровинский // Древняя и Новая Россия. – 1875. – № 2. – С. 209–210.
15. *Сабиньский Ю.* Сибирский дневник : в 2 т. / Ю. С. Сабиньский. – Иркутск, 2015. – Т. 2. – 840 с.
16. Сибирь. – 1908. – 27 мая.
17. Статистический временник Российской империи. – СПб., 1866. – С. XII.
18. *Торшина Н. Г.* Краткие исторические сведения о некоторых кладбищах Иркутска / Н. Г. Торшина // Иркутский мемориал: исследования и реконструкция: матер. науч.-практ. конф. Иркутск, 6 дек. 2013 г. – Иркутск, 2014. – 228 с.
19. *Торшина Н. Г.* Старо-Глазковское кладбище / Н. Г. Торшина // Иркутский мемориал: исследования и реконструкция : материалы науч.-практ. конф. Иркутск, 6 дек. 2013 г. – Иркутск, 2014. – 228 с.
20. *Шукин Н.* Смертность в Иркутске // Иркутские губернские ведомости. – 1858. – 6 марта. – С. 6.

On Number of People, Buried in the Jerusalem Cemetery of Irkutsk (Results of the Mathematical Analysis)

A. N. Garashchenko

Irkutsk Historical Museum named after A. M. Sibiriyakov

Abstract. The article attempts to determine approximate number of people, buried in the Jerusalem cemetery of Irkutsk, on the basis of mathematical analysis.

Keywords: Irkutsk, the Jerusalem cemetery, graves, necropolis.

Гаращенко Алексей Николаевич
старший научный сотрудник
Музей истории города Иркутска им.
А. М. Сибирякова
664007, г. Иркутск, ул. Франк-
Каменецкого, 16 А
тел.: 8(914)876-47-64
e-mail: ieditor@yandex.ru

Garashchenko Aleksey Nikolayevich
Senior Research Associate
Irkutsk Historical Museum named after
A. M. Sibiriyakov
16 A, Frank-Kamenetsky st., Irkutsk,
664007
tel. : 8(914)876-47-64
e-mail: ieditor@yandex.ru